

Волконский Михаил Николаевич

Два мага

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-311.3
ББК 84-4

Волконский Михаил Николаевич

Два мага / Волконский Михаил Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2011. – 142 с.

ISBN 978-5-458-04526-1

Князь Михаил Николаевич Волконский (1860-1917) — беллетрист, драматург, в начале XX века был одним из самых популярных исторических романистов России. В основе его увлекательных произведений — «неофициальная история» XVIII века, сплетающаяся из множества бытовых интриг, дворцовых тайн, приключений и мистики. За ним заслуженно закрепился почетный титул «русского Дюма».

ISBN 978-5-458-04526-1

© Издание на русском языке, оформление, «

YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «

Книга по Требованию», 2011

Михаил Николаевич
Волконский
Два мага

Граф Феникс

В роскошном доме на Острове у екатерининского вельможи, богатого барина Елагина, шли приготовления к парадному обеду. Стол готовили в саду, вблизи круглой беседки, обсаженной деревьями и розами и украшенной статуями. Беседка с ее живыми стенами должна была заменить гостиную.

День стоял солнечный. Погода как нельзя лучше благоприятствовала готовившемуся празднику.

Лакеи елагинской дворни в желтых ливреях с синей выпушкой и позументами сутились вокруг длинного, покрытого белой шелковой скатертю стола, уставляя его посудой, серебром, хрусталем, вазами с редкими фруктами и цветами. Лужайка под столом была устлана коврами. Среди розовых кустов было устроено возвышение, где размещались певчие и роговые музыканты.

Гости подъезжали к парадному крыльцу дома, и хозяин встречал их в комнатах, откуда они должны были под звуки музыки проследовать попарно в полонезе в сад, к столу.

Среди карет, заполнивших уже широкую площадку перед крыльцом, обращала на себя внимание одна, совсем непохожая на другие. Она была вся белая, с белой же штофной обивкой внутри, и запряжена четверкой белых без отметин лошадей цугом. Лакеи и кучер при ней были одеты тоже в белые суконные кафтаны и шляпы со страусовыми перьями, каким мог позавидовать любой щеголь. На петлицах кафтанов слуг и на белой лакированной упряжи блестели золотые графские короны, а на дверцах кареты был нарисован под такой же короной герб, носивший в щите свое изображение замысловатой птицы.

Карета принадлежала графу Фениксу, иностранцу, приехавшему недавно в Петербург и заставившему уже говорить о себе.

Никто не знал хорошо, кто был этот до некоторой степени таинственный граф и к какой собственно национальности принадлежал он. Говорил он одинаково хорошо, без акцента, на немецком, французском и итальянском языках. По-русски он тоже мог изъясняться, хоть довольно плохо.

Пока заинтересовал он общество, во-первых, поразительной роскошью, с которой сразу повел свою жизнь в Петербурге, а во-вторых, оригинальностью своих привычек и обстановки.

Занял он дом за городом, на берегу реки Фонтанной, дом, принадлежавший князьям Туровским и стоявший долгое время с заколоченными ставнями и запертymi дверьми. Этот дом был отдан заново для графа Феникса, и притом не совсем по-обыкновенному.

Сразу поражала огромная передняя, куда вела широкая входная лестница. Последняя была затянута черным сукном, стены передней – тоже. По черному сукну на стенах были сделаны серебряные изображения скелетов и черепов. Входная дверь постоянно оставалась незапертой, и входивший большей частью не находил вовсе слуг ни на лестнице, ни в передней, ни дальше в комнатах. В одной из них встречал его сам хозяин и приветливо приглашал садиться.

Граф Феникс, однако, любезно приглашал каждого, вошедшего к нему, совершенно не обращая внимания на его общественное положение и на то, бывал ли знаком с ним или нет. Ночью двери не запирались так же, как и днем, и един-

ственными сторожами дома были черепа и скелеты на стенах передней. Всю ночь окна по фасаду были освещены, и свет их потухал лишь с зарею, загашенный невидимой рукой.

Все, начиная с этого дома, обстановки, упряжи и кончая самой ничтожной вещью, было у графа богато и совсем особенно.

К Елагину он приехал в черном бархатном одеянии, с огромными бриллиантами в кружевном жабо и на пряжках башмаков. Эти бриллианты составляли единственную роскошь его костюма, но зато ценою их можно было оплатить все расшитые золотом и шелками кафтаны остальных гостей.

Граф Феникс держался несколько в стороне и делал вид, что не замечает того любопытства, с которым кругом глядели на него. Среди гостей, глядевших с любопытством на графа, был один молодой офицер, не спускавший с него глаз с той самой минуты, как он приехал. Этот офицер, сначала робко, потом несколько смелее приближался к графу и, наконец, очутившись возле него, решился заговорить:

— Граф, — сказал он по-французски, понижая голос до шепота, — мне сказали, что вы все можете?

Граф Феникс оглянулся и обратился к молодому человеку с улыбкой, которая сразу, по-видимому, произвела ободряющее действие на офицера.

— Позвольте представиться вам, — заговорил он тверже, — офицер русской гвардии...

— Ваша фамилия Кулугин? Не так ли? — спросил, перебивая, граф все с той же улыбкой.

— Вам известно мое имя, граф?

— В этом нет ничего сверхъестественного, — ответил Феникс, — ведь вам же известно мое... И потом, вы сами говорите, что я могу все...

— Да, меня уверяли так, и теперь я вижу, что не лгали, уверяя. В том, что я знаю ваше имя, нет ничего мудреного: оно на языке у всех с тех пор, как вы приехали в Петербург, но мое слишком мало известно... Если вы можете, помогите мне, граф...

— В чем я должен помочь вам?

— Я знаю, что вы не похожи на других, что вы человек совсем особенный, и потому решился прямо обратиться к вам. Дело идет о моей жизни...

— Значит, о любви. Вашим годам свойственно любовь смешивать с жизнью. Вы влюблены, молодой человек?

Кулугин опустил глаза и ничего не ответил, только краска покрыла его щеки.

— Кто же она? — продолжал граф. — Разумеется, она прелестна, но обладает сердцем настолько черствым, что предпочитает другого?

Кулугин глянул в лицо Фениксу.

— Вы и это знаете?

— История слишком старая и слишком часто повторяющаяся, чтобы не знать ее. Что же вы думаете, что я торгую любовным эликсиром и дам вам чудодейственные капли, которые заставляют равнодущие превращаться в любовь?

— Я ничего не думаю, — упавшим голосом проговорил Кулугин, — я знаю только, что я в отчаянии. В ту минуту, когда мы разговариваем с вами, они теперь здесь, в саду. И вы можете себе представить, что испытываю я?

— Кто же она такая?

- Воспитанница здешнего хозяина...
- Воспитанница Елагина? — переспросил Феникс, вдруг делаясь серьезным. — В таком случае проведите меня в сад...
- Вы хотите идти в сад, граф?
- Ну да! Разве кто-нибудь нам может помешать погулять по саду, вместо того чтобы стоять здесь, в духоте? Угодно вам пройти со мной? — и, сказав это нарочно громко, чтобы слышали окружающие, граф Феникс направился к стеклянной двери, выходившей на садовую террасу.
- Кулугин с сильно бьющимся сердцем последовал за ним.
- Что вы хотите сделать? — стал спрашивать он графа, нагнав его в саду.
- Решительно ничего особенного. Хочу только увидеть и услышать. Вы на верное знаете, что она в саду?
- Наверное. Я слышал, как Елагин послал ее напомнить музыкантам, чтобы они не прозевали знака, когда начинать им играть. Она вышла, и вслед за нею вышел он, мой соперник. Я следил за ним глазами и удивился его смелости. Кроме меня, и другие могли заметить. Это компрометирует девушку.
- А вы знаете, где расположены музыканты в саду?
- Очевидно, на эстраде, возле стола; так всегда бывает здесь. Стол накрывают у большой беседки.
- А, там есть беседка! Ведите меня к ней, чтобы мы очутились как-нибудь сзади, если можно — закрытые зеленью...
- Граф, нас могут заметить!
- Что ж из того? Если заметят, то увидят только, что мы гуляем по саду.
- И вы не боитесь, что ваше отсутствие покажется странным в то время, как все ждут приезда светлейшего?
- На праздник Елагина должен был явиться светлейший князь Потемкин, и его приезда ждали все.
- Пусть мое отсутствие покажется странным! Разве я боюсь этого? — ответил граф Феникс.
- Вы не хотите видеть светлейшего?
- Напротив! Я приехал только ради того, чтобы его увидеть. Мне нужно познакомиться с ним, и чем скорее, тем лучше. И я увижу и познакомлюсь... А пока ведите меня к беседке.
- Кулугин не разговаривал долго и повел графа окольной дорожкой. Они неслышно подошли к густому кусту акации, росшей позади беседки. Она была сквозная, сколоченная из дранок, окрашенных в зеленый цвет. Граф Феникс выбрал удобное место, откуда сквозь ветви акации было отлично видно, и остановился.
- В беседке стояла молодая, хорошенская Надя, воспитанница Елагина, в пышном белом платье и с высокой прической, делавшей ее лицо особенно миловидным. Молодой человек в блестящей форме адъютанта держал ее руку.
- Надя, милая, хорошая, я боюсь за вас, — говорил он, — сам не знаю почему, но боюсь... Предчувствие говорит мне...
- Отчего же боитесь, Николай Семенович? Почему вам надо бояться за меня? — переспросила она, глядя на него такими светлыми глазами, что, казалось, она ждала не только для себя, но и для всего мира одного лишь хорошего в будущем.
- С сегодняшнего дня начинается для вас новая жизнь... та жизнь, которой вы

еще не знали...

— Но ведь она не разлучит нас?

— Кто знает? До сих пор вы были на положении подростка, вы еще не видели людей или очень мало видели их. Сегодня вы появляйтесь в первый раз в обществе, а затем станете полноправной участницей балов, пикников, спектаклей.

— Но ведь это весело! — сказала Надя.

— Конечно, даже слишком весело; и этого-то я и боюсь...

— Давно ли? Вы прежде никогда не боялись веселья!

— Да, пока я был уверен, что оно не отвлечет вас от меня. Веселье, которое вы знали до сих пор, не могло повредить вам, но теперь... вы можете забыть меня...

Надя звонко, весело рассмеялась.

— Так вот вы чего боитесь! Нет, такая боязнь напрасна, совершенно напрасна, я не забуду вас. Чем больше людей увижу, тем вы больше выигрываете от сравнения с ними. Я знаю это. Николай Семенович, голубчик, ведь вы же веселились и видели всех этих людей, которых я увижу, однако не забыли меня.

— Я — другое дело.

— Нет, то же самое. Когда я увидела сегодня в первый раз настоящие наряды дам и девиц, у меня так и сжалось сердце. Они поразили меня своим великолепием, и я невольно подумала: насколько они лучше меня! Я должна показаться между ними жалкой, по крайней мере, я чувствую себя жалкой между ними. До сих пор вы видели меня одну, а теперь в сравнении с остальными я вам могу показаться хуже. Вы можете подумать, что ошиблись...

— Надя, не говорите так и не думайте! Да разве существует на свете кто-нибудь лучше вас?

— Ну, а для меня никого не может быть лучше вас, Николай Семенович!

— Надя, милая! — повторил он ей в ответ, поднял ее руку и припал к ней губами. — Милая моя, так не забудете?

Она, улыбаясь, покачала головой.

— Вот что, — проговорил Николай Семенович, — у меня есть медальон, который я с детства всегда ношу на себе. Это единственная дорогая мне вещь; возьмите его и, если только... если случится, что вы изменитесь ко мне, отдайте его мне назад...

Он быстро расстегнул две пуговицы своего мундира, достал с груди медальон, висевший у него на цепочке, снял его и подал Наде. Она спрятала медальон и проговорила:

— Никогда я не отдам вам его, теперь вы мой! Сами будете назад спрашивать — не отдам!

В это время грянула музыка, молодые люди вздрогнули: они задержались слишком долго. Музыка означала, что полонез уже тронулся из дома по направлению к столу и беседке.

— Ничего, мы проберемся как-нибудь, — сказал молодой адъютант Наде, — и станем в задние пары.

И они убежали из беседки.

Кулугин стоял возле графа сам не свой: лица на нем не было.

— Вы слышали? — спросил он. — Несомненно, она любит его.

— Ничего нет несомненного на свете. Сомневаться всегда и во всем можно. Сколько подобных слов говорилось с тех пор, как существует мир, и затем они

не оправдывались... Но вот что: вы видели медальон, который он дал ей?

— Видел.

— Этот медальон, во что бы то ни стало, я должен получить.

— Вы, граф?

— Да. Мне нужен медальон князя Бессменного во что бы то ни стало!

— Как, вы даже знаете и его имя?

— Не в этом дело; я вам говорю, что мне нужен этот медальон. Если хотите моей помощи — вот вам условие: достаньте медальон. Только торопитесь, потому что я могу и без вас обойтись и медальон легко может попасть в мои руки помимо вашей помощи... Торопитесь!

С этими словами граф Феникс поклонился Кулугину и спокойно направился опять окольной дорожкой, чтобы присоединиться к гостям, шедшим уже из дома в размеренном темпе под плавные звуки полонеза.

Объяснение

Оказалось, напрасно ждали светлейшего Потемкина, — он не приехал, прислав сказать, что не будет. Елагин поморщился, узнав эту новость. Он был слишком видный человек, но Потемкин давно привык не церемониться, когда впадал в находившую на него временами без всякой видимой внешней причины хандру. Обыкновенно он уходил в таких случаях к себе в спальню или запирался у себя в кабинете, сидел безвыходно целыми неделями, запускал бороду, не носил патрика и не чистил ногтей. К Елагину он еще прислал нарочного, что не будет, а к другим просто не являлся, заставляя прождать напрасно и хозяина, и гостей.

Елагин сделал вид, что вполне удовлетворен вежливостью светлейшего, и просил гостей идти к столу, стараясь показать всем, что отсутствие Потемкина ничуть не должно помешать общему веселью. Но все-таки это происшествие расстроило расположение духа многих, чаявших повернуться на глазах у человека, от которого многое могло зависеть для них.

Вследствие этого явилась вялость. Однако она продержалась недолго. Когда застучали ложки о тарелки и стаканы наполнились вином, общество под звуки разудалой песни, которую грязнул хор, сменив музыкантов, быстро ожило; завязался разговор, потом он стал громче, послышался смех, и ко второму уже блюду обед вышел хоть куда.

Надя сидела рядом с Бессменным, робела слегка, но искренне наслаждалась, принимая участие в обеде с настоящими гостями, то есть с людьми мало знакомыми ей. Это было ее первое появление в свете.

Кулугин следил за ними издали, мало пил и ел и был мрачен и неразговорчив. Граф Феникс сидел среди почетных гостей, вблизи хозяина, и вел не спеша рассказ об Индии с такими подробностями, как будто сам жил там долгое время. Он говорил о факирах, которые доходят до того, что впадают в совершенно особенный сон, ничем не отличимый от смерти. В таком состоянии их зарывают в землю на довольно продолжительное время, а затем отрывают, дают несколько капель эликсира, и пролежавший под землею, похороненный и открытый факир приходит в себя и становится затем опять вполне здоровым и нормальным человеком.

— А вы знаете, граф, в Петербурге у нас появился индус, — обратился Елагин к графу Фениксу. — Я все хочу призвать его как-нибудь к себе... Очень интересно.

— Среди них есть много шарлатанов, — ответил граф. — В особенности этим разъезжающим по Европе я не доверяю... А впрочем, может быть, он и знает что-нибудь...

— Но вы, граф, наверное, знаете много, — вдруг обратилась к нему сидевшая рядом полная дама не первой уже молодости, — я думаю, вы знаете все... и настоящее, и будущее...

— И вас это удивляет? — спросил Феникс.

— Знать будущее! — воскликнула дама. — Разве это не удивительно?

— В сущности, не более прошедшего...

— Ну, прошедшее знать немудрено!

— Даже, например, хотя бы то, что происходило в Риме?

— Да ведь это в книгах написано!

— И будущее в книгах тоже написано, и по ним так же легко читать о грядущем, как и о прошлом. Вся разница в том, что читать о будущем умеют немногие, а о прошлом — доступно большинству.

— И вы... вы, наверно, умеете?

— Может быть.

Сидевшие вокруг графа притихли, слушая, что говорит он; затем водворилась тишина и за всем столом. Всем было интересно послушать Феникса, говорившего не совсем обычные вещи.

Граф, чувствуя общее внимание на себе, нисколько не смущался, видимо, давно привыкнув к такому вниманию.

Вызвавшая его на разговор барыня, очень довольная, что отчасти и она замечена, стала смелее.

— Ну, а если мы усомнимся в вашем умении читать будущее, граф? — проговорила она, играя веером.

— Я вас разуверять не буду.

— Однако... Я думала, вы дадите другой ответ — предложите показать свое искусство...

— Если вам угодно — я не отказываюсь.

— Тогда скажите...

— В самом деле, — сказал Елагин Фениксу, — скажите, граф, как вы думаете, что ожидает вот самую юную нашу собеседницу? — показал он на Надю. — Кстати, сегодня ее первое появление в свете...

Надя вдруг смущалась и густо покраснела под этим общим, обращенным на нее взглядом. Граф прищурился слегка и с расстановкой произнес:

— Ей надо в будущем беречь свой медальон!..

Надя, никак не ожидавшая этих слов, тихо ахнула и закрыла лицо руками... Ей показалось, что она лишается чувств. Неожиданность поразила ее.

Все заметили, хотя, разумеется, не могли понять причину того, что с Надей при словах графа произошло что-то особенное и что эти слова имели для нее значение, которое она тщательно скрывала от других и о чем, по-видимому, знал граф Феникс, впервые видевший в глаза девушку. И все почувствовали нечто вроде благоговейного удивления перед ним и перед его всеведением и проникновением в чужую душу.

В самом деле, вышло как будто сверхъестественно, что Феникс сразу отгадал чужую тайну. Никто не знал, какой именно медальон был у Нади и почему он важен для нее, но каждый видел, что сделалось с нею, и с некоторым страхом глядел на графа: а вдруг как ему известно тоже, что и у всех остальных на душе?

Один только Бессменный отнесся совсем иначе к Фениксу. Он видел и понял одно лишь, что граф смущил на глазах гостей его Надю, ни в чем не повинную, и счел это дерзостью.

— Ради Бога, не выдавайте себя! — быстро сказал он ей, чтобы она очнулась.

Девушка сделала над собой усилие и оправилась.

Бессменный видел, какого труда ей стоило сделать это, и почувствовал непримиримую ненависть к дерзкому, по его мнению, графу, который стал его врагом с этой минуты. Он хотел сейчас же громко ответить Фениксу, что, в свою очередь, тоже и ему может предсказать будущее, что он размозжит ему голову, если он осмелится еще раз, но, разумеется, удержался, подавив свою злобу и

решив все-таки не оставлять этого дела так и переговорить с графом после обеда. Но, когда встали из-за стола, граф Феникс был так тесно окружен любопытными, ловившими уже каждое его слово, что пробраться к нему не было никакой возможности. Да и Елагин все время не отпускал от себя интересного гостя и нянчился с ним.

Переговорить с графом наедине сейчас же Бессменному не удалось. К тому же ему пришлось участвовать в начавшихся после обеда танцах, и он не отходил от Нади. Но когда стали разъезжаться и граф Феникс вышел на крыльце, к которому подкатила его белая карета, то столкнулся лицом к лицу с князем Бессменным.

— Я желал бы переговорить с вами, граф, — смело остановил тот Феника.

Последний как бы удивленно поглядел на него, потом кивнул головою:

— Всегда к вашим услугам, князь!

Бессменный был настолько взволнован, что, забыв назвать себя, не заметил, что Феникс титуловал его князем и показывал этим, что знает его.

— Я хочу говорить с вами сейчас.

— Здесь, у подъезда, мы разговаривать конечно не можем, но, если вам угодно, милости просим, войдемте в карету, — и граф показал на отворенную лакеем дверцу кареты, у которой другой лакей откинул подножку и остановился в ожидании.

Бессменный вскочил в карету; за ним вошел Феникс, и тяжелая карета закачалась на своих высоких стоячих рессорах.

— Я с вами хотел переговорить относительно медальона, — начал Бессменный.

— Я так и знал, — сказал Феникс.

— Тем лучше. Я хотел сказать вам, что если вы случайно подслушали или увидели, как я сегодня передал медальон, то не имели права пользоваться этим, чтобы смущать девушку.

При этих более чем определенных словах Феникс даже с любопытством поглядел на Бессменного.

— Почему же вы думаете, что я подслушал или подглядел? — спросил он.

— Потому что иначе вы не могли узнать. В сверхъестественное я не верю, а иным, естественным, путем вы не могли узнать, как только подглядеть.

— В сверхъестественное я тоже не верю, — сказал Феникс, — но почему вы думаете, что знать что-нибудь можно, только увидев или услышав?

— Потому что другого способа я не знаю.

— Но это еще не значит, что его нет.

— Для меня его нет, если я его не знаю.

— Вот это другое дело. А для меня он есть, потому что я его знаю.

— Все равно, граф, не будем спорить о словах! Каким бы способом вы не узнали о медальоне, вы не могли упоминать о нем так, при всех, за обедом...

— Если я упомянул, значит, мог.

— То есть не имели права.

— Опять вы неточны. Право — очень условное понятие. В праве всегда есть что-то принудительное. Оно должно основываться на силе, которая поддерживает его и наказывает его нарушение. А если этой силы нет, нет наказания за нарушение, то право перестает быть правом.

— Но в данном случае, могу вас уверить, есть сила, которая готова поддержать